На протяжении прошлого учебного года образовательные учреждения Петропавловска-Камчатского систематически были вынуждены прерывать учебные занятия из-за сообщений о минировании зданий. Всякий раз на место выезжали представители экстренных служб для проверки полученных сведений и эвакуации людей, и всякий раз сообщения оказывались ложными. С наступлением летних каникул атаки лжетеррористов на школы поутихли, но 1 сентября, в День знаний, возобновились.

Начинать учебный год с эвакуации пришлось двум камчатским колледжам – педагогическому (расположен в Петропавловске-Камчатском на ул. Бохняка, 13) и колледжу искусств (проспект Рыбаков, 7). Причиной стало поступившее в этот день в оба учреждения сообщение о минировании зданий. Как сообщили «Вестям» в отделении информации и общественных связей УВМД России по Камчатскому краю, оба здания были обследованы, взрывных устройств не обнаружили.

Директор Камчатского колледжа искусств Марина Анатольевна Акмаева рассказала нашей газете, что сообщение поступило на адрес электронной почты образовательного учреждения около 10 часов утра. Праздничное мероприятие было запланировано на 12 часов дня. Поэтому на момент получения сообщения в здании студентов не было, в нем находилось 15 сотрудников учреждения. «Мы, как и полагается, сообщили о полученном сообщении в экстренные службы реагирования, в краевое Министерство культуры и вышли из колледжа», – пояснила она. По ее словам, к 12 часам работы по поиску взрывчатки уже были закончены и было получено разрешение вернуться в здание. Как рассказала Марина Анатольевна, такое сообщение в колледж искусств поступило впервые. По ее словам, лжетеррорист указывал в нем, что он заминировал здание, так как «должен уничтожить биомусор».

Директор Камчатского педагогического колледжа Антонина Юрьевна Подгорная от комментариев отказалась.

Камчатские колледжи в этот день оказались не единственными образовательными учреждениями, где 1 сентября началось с сообщения о возможном взрыве. В День

знаний по той же причине проходила эвакуация сотрудников и детей в одной из гимназий в центральном районе Санкт-Петербурга, трех школах в Липецке, во всех школах в Нижнем Новгороде, а в Волгограде родители получили сообщения от администраций детский садов не приводить детей в садики из-за угрозы минирования.

Каждое такое мероприятие – выезд на место возможного теракта кинологов, взрывотехников, следственных групп УМВД, спасателей, медиков. Каждый вызов стоит денег, количество которых варьируется в зависимости от затраченных сил и средств. В итоге происходит расходование государственных средств и одновременное нагнетание обстановки. А в случае с образовательными учреждениями – срыв занятий, потеря времени, отведенного на освоение учебной программы. Так что каждое такое ложное сообщение – тоже оружие, способное нанести урон, особенно ощутимый в масштабах страны. И применять его начали с сентября 2017 года, когда атаке лжетеррористов в России подверглись более 170 городов, а эвакуация затронула более двух миллионов человек. В правоохранительные органы Камчатского края той осенью поступила серия ложных сообщений о минировании в ряде школ, мэрии города, здании краевого правительства. Пришлось выводить из помещений детей, учителей и работников школ, чиновников. В последующие годы такие сообщения повторялись с разной периодичностью, в список «заминированных» учреждений попадали детские сады, больницы, магазины, различные офисы. Но такой масштабной волны лжеминирований, как в этом году, еще не было ни в стране, ни в нашем регионе. По данным МВД России, только за первые шесть месяцев этого года в полицию поступило больше 12 тысяч сообщений о ложных минированиях зданий из всех регионов страны. Раскрыто, по данным ведомства, 464, – сообщает телеканал RT.

На Камчатке сообщения о заложенных взрывных устройствах начали поступать в январе, а с наступлением весны (и началом спецоперации России в Донбассе и Луганской Народной Республике) стали регулярными и даже привычными. Кроме школ и детских садов в регионе «минировали» аэропорт, торговые центры, правительственные здания, суды и даже исправительную колонию. В апреле автор (или авторы) анонимных сообщений даже грозились поджечь на Камчатке… железнодорожный вокзал, которого тут отродясь не было и быть не могло.

Всего же в этом году ложные сообщения о заложенной взрывчатке в зданиях различных учреждений Камчатского края поступали более 30 раз.

К сожалению, в отделении информации и общественных связей УВМД России по Камчатскому краю отказались прокомментировать ситуацию о сообщениях по поводу

минирования, поступивших в камчатские колледжи 1 сентября. Не ответили «Вестям» и на вопрос о том, сколько уголовных дел по фактам ложных сообщений об актах терроризма было возбуждено и сколько раскрыто в этом и в прошлом году в Камчатском крае.

В отсутствие официальных комментариев мы обратились к интернету. Но прежде чем рассказать, какого же мнения по поводу происходящего придерживаются специалисты, вернемся к многострадальным камчатским школам и колледжам. Всякий раз, как там проводится очередная эвакуация из-за ложного сообщения о теракте, граждане в соцсетях задаются вопросом: сколько можно верить таким письмам и так остро на них реагировать? Недавно нам позвонил наш постоянный читатель, который недоумевал: зачем всякий раз проводить проверку и выводить людей, когда и так ясно, что сообщение ложное?

Напомню, что в апреле этого года, когда лжетеррористы сообщали об угрозах взрыва в школах Петропавловска-Камчатского чуть ли не каждую неделю, «Вести» выясняли, что должен делать получатель такого сообщения и какие нормативные акты лежат в основе его действий. Подробно об этом наша газета рассказала в публикации «Нас продолжают минировать» в № 10 от 20 апреля 2022 года. Здесь же кратко напомню, что реакция на подобного рода сообщения – отнюдь не прихоть, а требование целого ряда законодательных актов. И даже если есть все основания полагать, что полученное сообщение о заложенной бомбе «фальшивка», представители образовательного учреждения обязаны на него оперативно отреагировать. Более того, если сообщение поступило не в какую-то конкретную школу, а, скажем, в Управление образования в администрации ПКГО без указания адресов, проверять будут все 35 школ краевой столицы. Что и делалось неоднократно в прошлом году. К слову, каждый раз приходилось эвакуировать более 15 тысяч человек: учащихся и работников школ.

Если же, как в начале этого учебного года, сообщение об угрозе теракта поступило непосредственно в образовательное учреждение, администрация его обязана позвонить в ЕДДС, ЕДДС ставит в известность правоохранительные органы, а учреждение тем временем начинает эвакуацию детей и сотрудников и оповещает родителей учеников о прерванных занятиях.

Существует законодательная база, на которую опирается порядок действий в образовательных учреждениях в случае получения информации об угрозе совершения террористического акта. Действия эти определяются следующим перечнем законодательных актов: Федеральным законом РФ «О гражданской обороне» от

12.02.1998 № 28-ФЗ; Федеральным законом РФ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» от 21.12.1994 № 68-ФЗ; Постановлением Правительства РФ от 30 декабря 2003 № 794 «О единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций»; Постановлением Правительства РФ от 2 августа 2019 года № 1006 «Об утверждении требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий) Министерства просвещения Российской Федерации и объектов (территорий), относящихся к сфере деятельности Министерства просвещения Российской Федерации, и формы паспорта безопасности этих объектов (территорий)».

В свою очередь, оперативно обязаны отреагировать на сообщение о возможном теракте, согласно действующему регламенту, и представители экстренных служб.

В прежние годы бывали случаи, когда такая информация поступала от рядовых граждан (чаще всего по телефону). Так, в 2020 году в Петропавловске-Камчатском задержали школьницу, которая позвонила на номер 112 и анонимно сообщила о заложенном взрывном устройстве в одной из школ города. Вычислили ее быстро. В 2019 году письма о минировании разных социальных объектов на Камчатке рассылал железнодорожник из Приморья. В 2017 году в Вилючинске о минировании цеха рыбокомбината сообщил работник этого предприятия, предварительно употребив спиртное… С такими преступлениями правоохранительные органы работают оперативно, быстро вычисляя «минеров», и те несут заслуженное наказание. По части 2 статьи 207 Уголовного кодекса (заведомо ложное сообщение об акте терроризма, совершенное в отношении объектов социальной инфраструктуры либо повлекшее причинение крупного ущерба) предусмотрены штраф от 500 до 700 тысяч рублей, штраф в размере зарплаты дохода осужденного за период от года до двух лет либо лишение свободы на срок от 3 до 5 лет.

Но та волна целенаправленных массированных сообщений о лжеминировании, которая то и дело обрушивалась на нас в этом году, мало похожа на приведенные единичные примеры.

Все чаще в российских СМИ высказывается версия о том, что за атаками о лжеминированиях в России стоят хакеры, связанные с Украиной. В частности, так считает основатель российской компании «Интернет-Розыск» Игорь Бедеров.

«Мы изучили такого отправителя и группы, которые ему помогали. Они пользовались несколькими электронными почтовыми ящиками. Выяснилось, что эти электронные адреса связаны с одним подразделением ССО Украины», – рассказал Бедеров в интервью международному телеканалу RT. Кроме того, по его словам, в интернете появились сообщества, участники которых постоянно вовлекают в лжеминирование подростков через группы в Telegram и во «ВКонтакте». Подростков, в отличие от взрослых, привлекает не заработок, а возможность общаться с единомышленниками и ощущение собственной власти, – считает специалист. «Вычислить, кто именно рассылал сообщения о минированиях, не так сложно. Но вот когда мы знаем, как именно зовут этого человека, где он живет, как мы можем его задержать, если он за пределами России?» – говорит собеседник. По его словам, «минирования» от подростков – это капля в море. Основная волна исходит не от отдельных лиц, а от центра информационно-психологических операций (ЦИПсО) Сил специальных операций Украины.

Его мнение разделяет российский информационный интернет-телеканал «Царьград ТВ» со ссылкой на собственный источник в спецслужбах России.

«Три основных точки (из которых поступали сообщения от лжетеррористов. – ***Прим. ред.***) – с Украины, из Польши и Прибалтики. Основная доля приходится на украинские серверы, в меньшей степени – Латвия, Литва, Эстония, еще некоторая часть – польские IP-адреса. Конечно, все они частные. Но есть оперативная информация, есть аналитические выводы, что все такие атаки, с одной стороны, тщательно спланированы, с другой – проводятся по совершенно определенному сценарию, как в шахматной партии, и под конкретные события», – сообщает «Царьград».

В доказательство последнего утверждения приводится следующий факт: первая масштабная атака кибертеррористов произошла осенью 2017 года. Случилось это спустя несколько дней после того как президент России Владимир Путин дал поручение МИДу внести на рассмотрение Совета безопасности ООН резолюцию о ведении миротворцев в зону конфликта в Донбассе. Вторая волна пошла в декабре 2019 года в преддверии запуска железнодорожного движения на Крымском мосту (было открыто 23 декабря. – ***Прим. ред***
.). В 2020 году, на фоне накаленной обстановки в Донбассе, сообщения о лжеминировании поступали в марте, апреле, в течение трех летних месяцев. В октябре минировали все больницы столицы. В 2021 году прошла порция сообщений о минированиях в московском метро, детсадах, школах столицы и других регионов. Ну а о том, какой атаке лжеминеров подверглись учреждения нашей страны в этом году, мы уже писали выше.

Есть ли выход из этого замкнутого круга? По мнению генерал-лейтенанта запаса Александра Михайлова, бывшего оперативника 5-го управления КГБ СССР (политическая контрразведка), возглавлявшего затем центр общественных связей ФСБ России и управление информации МВД, есть. Задача наших компетентных органов, считает он, во-первых, не просто вычислить сервер, с которого велась атака лжетеррористов, но дистанционно разрушить его, а во-вторых, разработать алгоритм блокировки таких угроз.

Судя по тому, что атаки продолжаются столько времени, все эти задачи трудно выполнимы. С большой долей вероятности можно предположить, что атаки «минеров», открывшие начало этого учебного года, будут далеко не последними. В условиях, когда Россия ведет военную операцию против коричневой чумы на Украине, для ее врагов все средства хороши. Изучив, как работает российская система реагирования на сообщения о терактах, они используют ее в своих целях. Так не изменить ли саму систему, внеся корректировки в законодательную базу, если сообщения выглядят явно ложными? В противном случае в один прекрасный день мы можем обнаружить, что проверять и эвакуировать придется уже все школы, детские сады, торговые центры, больницы и прочие социально значимые объекты. Хватит ли на это сил?

Наталья МАКСИМИШИНА